

А. БРЕЙДАК

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КОНСОНАНТИЗМА И РАЗВИТИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ В ГОВОРАХ ЛАТГАЛИИ

В данной статье мы рассмотрим следующие вопросы: а) палатализацию согласных; б) депалатализацию смягченного j' ; в) влияние славянских языков на фонетику говоров Латгалии; г) появление новых согласных f, f', h, h' ; д) развитие фонологической системы согласных в говорах Латгалии.

1. Палатализация согласных

Характерной чертой большинства говоров верхнелатышского диалекта в Латгалии является палатализация, т. е. смягчение согласных¹. Только в некоторых говорах, граничащих с Видземе, например, Баркава², палатализация согласных еле ощутима и не имеет существенной роли в фонетической системе этих говоров.

Условия палатализации согласных в говорах Латгалии следующие.

1. Все согласные, за исключением $r, š, ž, č, ǰ$ в большинстве говоров, регулярно смягчаются перед $i, ī, ie, iu, e, ē (<e), a (<e), ē (<ē), ā (<ā)$ ³, $ei, ēi (<ei), ai (<ei)$ и палатализованными, т. е. смягченными согласными, например:

¹ О палатализации согласных в говорах Латгалии см. также J. Endzelīns, *Latviešu valodas gramatika* (далее: J. Endzelīns, LVG), Rīgā, 1951, 189–190; M. Rudzīte, *Latviešu dialektologija* (далее: M. Rudzīte, LD), Rīgā, 1964, 302–303.

² J. Cerīks. *Barkavas pagasta izloksne*, — FBR XIII 24.

³ Палатализация согласных произошла уже после позиционной перегласовки $e, ē$ в $ē, ē̄$, характерной для всех диалектов латышского языка, и позиционной перегласовки i в y , характерной только для верхнелатышского диалекта (об этих перегласовках см. J. Endzelīns, LVG 94–108, 129–133), потому что никогда не смягчаются согласные перед $a, ā$, возникшими из общелатышских $e, ē$, и y , например: в.-лтш. *daga* „(он) горел; (она) горела“ ($<*dēga < *dega$ = лит. *dēgo*), в.-лтш. *bāga* „(он) бежал; (она) бежала“ ($<*bēga < *bēga$ = лит. *bēgo*), в.-лтш. *vūlks*² „волк“. Следует подчеркнуть, что вышеупомянутая метафония произошла еще до исчезновения кратких гласных конечных слогов. Верхнелатышская перегласовка закрытых гласных $e, ē$ ($e > ē > a, ē > ē̄ > ā, ei > ēi > ai$) произошла позже, уже после смягчения согласных.

s'is't' „бить“ Звиргздене FBR X 23, *d'ina*² „день“ Звиргздене FBR X 25, *s'ierps*² „серп“ Цибла FBR VI 32, *n'iu* „только что“ Пилда FBR XIII 42, *v'ežu* „(я) вез, вел; (я) везла, вела“ Скайста FBR XV 35, *v'ed'e* „(он) вез, вел; (она) везла, вела“ Варакляны FBR XI 102, *mut'a* „рот; лицо“ Цибла FBR VI 32, *s'ēt*² „сеять“ Варакляны FBR XI 102, *c'āļa* „(он) поднимал; (она) поднимала“ Цибла FBR VI 33, *p'eit'* „плести“ Краслава FBR XII 27, *m'eīta* „дочь“ Варакляны FBR XI 102, *m'āita* „дочь“ Пилда, *klāus't*² „спрашивать“ Пилда.

2. Согласные палатализованы перед гласными *i*, *e* конечных слогов, исчезнувшими уже в дописьменную эпоху⁴, например: *nakt's'* „ночь“ (*nom. sing.*) Звиргздене FBR X 30 (< **noktis*⁵), *mūt*² „мать“ (*voc. sing.*) Звиргздене, Пилда, Цибла (< **mōt-e*⁶), *kāl't*² „ковать“ Краслава FBR XII 27 (< **kolti*⁷), *būus'*, *būus'*, *būs'* „будет; будут“ Звиргздене, Карсава, Нирза, Пилда, Цибла⁸ (< *būsi, ср. ст.-лит. *būsi-gu*⁹).

3. Согласные *k*, *g* перед палатализованными согласными в части говоров не смягчаются, например: *l'ikt'* „класть“ Карсава FBR XII 49, *v'il'kt'* „тянуть“ Пилда FBR XIII 40, *lūukt*² „просить“ (< *lūugt*²) Пилда, но *l'ik't'* „класть“ Варакляны FBR XI 103.

4. Согласные *s*, *t* смягчаются после *i*, *ī*, *e*, *ē* (< *ē*), *ā* (< *ē*), *ei*, например: *gūs*² „корова“ (*nom. sing.*) Преиля FBR VIII 14 (< **gōvis*¹⁰), *sāul'is*² „солнца“ (*gen. sing.*) Варакляны FBR XI 103 (< *saūles*), *treīs'* „три“ Звиргздене FBR X 31, Калупе FBR XVIII 42, Карсава FBR XII 54, *t'r'eīs'* „три“ Варакляны FBR XI 110.

⁴ Акад. Я. Эндзелин считал, что краткие гласные *e*, *a*, *i* конечных слогов исчезли в латышском языке до XVI в.н.э., см. J. Endzelīns, *Latviešu valodas skaņas un formas*, Rīgā, 1938, 33; J. Endzelīns, LVG 80–81. Однако новейшие исследования показывают, что исчезновение кратких гласных конечных слогов следует отнести к более раннему периоду. По мнению М. Рудзите, краткие гласные конечных слогов исчезли во второй половине I тысячелетия н.э., см. M. Rudzīte, LD 23.

⁵ Об окончании именительного падежа единственного числа *-*is* существительных с основой на -*i* см. J. Endzelīns, LVG 427.

⁶ Об окончании *-*e* звательного падежа единственного числа существительных с основой на -*ē* см. J. Endzelīns, LVG 422.

⁷ О морфеме инфинитива *-*ti* см. J. Endzelīns, LVG 917.

⁸ О глагольных формах *būus'*, *būus'*, *būs'* см. A. Breidaks, *Latgaļu, sēļu un kuršu cilšu valodu sakari*, — *Latvijas PSR ZA Vēstis*, 1969 9 40–41.

⁹ См. также J. Endzelīns, LVG 859.

¹⁰ Об окончании *-*is* именительного падежа единственного числа существительных с основой на -*i* см. J. Endzelīns, LVG 427.

Латышские языковеды А. Абеле, Э. Блесе и Я. Эндзелин считали, что палатализация согласных в верхнелатышском диалекте возникла под влиянием русского resp. славянских языков¹¹. Однако изучение условий палатализации согласных, относительной и абсолютной хронологии возникновения этого явления вынуждает нас пересмотреть вышеупомянутую точку зрения. Палатализация согласных в латгальском языке¹² возникла в дописьменную эпоху (после метафонии $e, \bar{e} > \text{ɛ}, \bar{\text{ɛ}}$ и $i > u$, но до исчезновения кратких гласных конечных слогов). Следуя абсолютной хронологии Я. Эндзелина, эта палатализация согласных возникла еще до XVI в. н. э., а по абсолютной хронологии М. Рудзите даже до X в. н. э. Закономерно возникает вопрос: имели ли в то время славянские языки такое глубокое влияние на латгальский язык, чтобы так сильно изменить фонетическую систему согласных?

По мнению К. Буги и Я. Эндзелина, экономические и культурные связи восточнобалтийских племен с восточнославянскими, т. е. древнерусскими племенами начались с IX в. н. э. Вследствие чего в восточнобалтийские племенные языки проникло из древнерусского языка определенное количество слов, отражающих эти связи¹³. Однако нет данных, свидетельствующих о переселении древнерусского населения на восточнобалтийскую территорию. Переселение значительного количества русского, белорусского и польского населения в Латгалию началось только в XVI–XVII в.в. (особенно много русских староверов переселилось в Латгалию, начиная со второй половины XVIII в. после раскола православной церкви)¹⁴ (т.е. после палатализации

¹¹ А. Ābele, Slavismi(?) mūsu augšzemnieku konsonantismā, — FBR XX 219; (E. Blese,) Krievu valodas ietekme, — Latviešu konversācijas vārdnīca (далее: LKV), X, Rīgā, 1933–34, столбец 18455; J. Endzelīns, Par infantiešiem un viņu izloksni, — Dzimtenes Vēstnesis, 1916, № 229; J. Endzelīns, LVG 189.

¹² Латгальские говоры верхнелатышского диалекта, на наш взгляд, являются прямым продолжением латгальского языка. Мы полностью разделяем мнение акад Я. Эндзелина, что видземские среднелатышские говоры, как и земгальские среднелатышские говоры, возникли на базе земгальского языка, см. J. Endzelīns, Latviešu valoda Vidzemē, — Valodas un literatūras institūta Raksti, III, Rīgā, 1954, 126–127. Ср. также V. Dambe, Daži vērojumi LPSR dienvidrietumu daļas toponīmikā, — LKK VI (1963) 253; X. A. Моора, О древнейшей территории расселения балтийских племен, — Советская археология, Москва, 1958 2 23.

¹³ К. Būga, Rinktiniai raštai (далее : К. Būga, RR), III, Vilnius, 1961, 769–770; J. Endzelīns, Ievads baltu filoloģijā, Rīgā, 1945, 36.

¹⁴ LKV XI 21192–3, 21196, 22307; LKV X 20443; Latvijas PSR Mazā enciklopēdija (далее: LME), I sēj., Rīgā, 1967, 178; LME II 148; LME III 64; A. Zavarina, Latgales krievu tautības iedzīvotāju materiālā kultūra XIX gs. otrajā pusē un XX gs. sākumā. (Mājoklis. Apģērbs. Ēdiens), — Archeoloģija un etnogrāfija, VIII, Rīgā, 1968, 171.

согласных и исчезновения кратких гласных конечных слогов!). И только с этого времени началось более глубокое влияние славянских языков на латгальские говоры. Об этом, между прочим, ярко свидетельствует и относительно малое количество лексических заимствований в латгальских говорах из древнерусского языка по сравнению с обилием заимствований из русского, белорусского и польского языков. Итак — допустить такое сильное влияние славянских языков на латгальский язык до XI в. или даже до XVI в., чтобы изменить так радикально всю фонетическую (а в последствии и фонологическую) систему согласных, нет никаких оснований. На наш взгляд, позиционная палатализация согласных в латгальском языке возникла самостоятельно, независимо от славянских языков.

Это мнение подтверждается и тем фактом, что позиционная палатализация согласных была также в селонском и куронском языках, в которых под влиянием смягченных согласных возникла палатальная перегласовка гласных среднего и заднего рядов¹⁵. В этих двух языках, как и в латгальском, позиционная палатализация согласных возникла в дописьменную эпоху, до исчезновения кратких гласных конечных слогов, ибо палатализация согласных наблюдается также перед исчезнувшими в дописьменную эпоху гласными переднего ряда *i*, *e*, например: *o^e vs* „овечка“ Сеце (Селия) (ср. лит. *avis*)¹⁶, *êst'* „есть, кушать“ Злекас¹⁷ (Курземе) (ср. лит. *ësti*).

Палатальная перегласовка гласных *resp.* эпентеза *i*, *e* констатирована во многих говорах латышского языка: а) в говорах ливонского диалекта: Анце, Арлава, Валгале, Вендзава, Вентспилс, Видрижи, Дзирас (Зирас), Дзирциемс, Дундага, Дунте, Злекас, Зурас, Игате, Кандава, Ладе, Лиепупе, Лимбажи, Меке, Набе, Нурмуйжа (Лауциене), Пилтене, Попе, Пузе, Ренда, Ринда, Руена, Сарканмуйжа (Вента), Сасмака (Валдемарпилс), Светциемс, Стиене, Угале, Ужава и Эдоле¹⁸; б) в среднелатышских говорах Курземе и некоторых соседних говорах: Априки, Блидиене, Бриньки (Никраце), Вергале, Кабиле, Курсиши, Ница, Приекуле, Рудбаржи, Сака, Скрунда и Цирава¹⁹; в) в среднелатышском говоре Риктере (Сидгунда) в западной Видземе²⁰; г) в селонских

¹⁵ А. Ābele, *Kā varēja rasties epenteze un palatālā pārskana mūsu sēliskajās izloksnēs*, — *Ceļi*, III, Rīgā, 1933, 108—109; К. Būga, *RR III 225—226*; М. Rudzīte, *LD 90*.

¹⁶ J. Endzelīns, *LVG 134*.

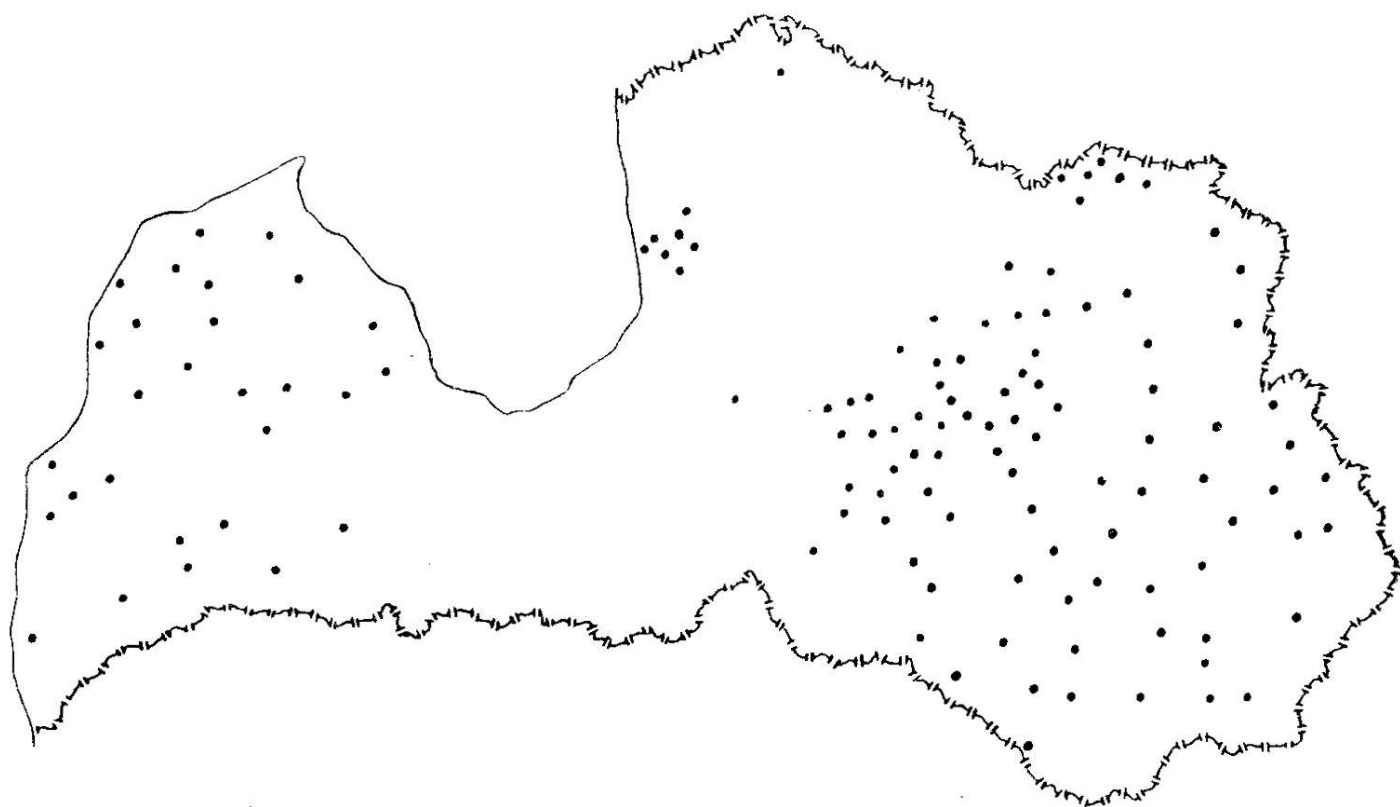
¹⁷ К. Būga, *RR III 225*.

¹⁸ J. Endzelīns, *LVG 135*; М. Rudzīte, *LD 165*; К. Būga, *RR III 226—228*.

¹⁹ К. Būga, *RR III 226—228*.

²⁰ К. Būga, *RR III 226*. К. Буга объясняет слово *pairītā* „после завтра“ в Сидгунде как проникшее из куронского языка. О следах куронского языка в западной Видземе см. J. Endzelīns, *Latviešu vārdi ar īsu o no u*, — *FBR IV 5—6*; J. Endzelīns, *Kuršu pēdas rietumu Vidzemē*, — *FBR III 5—7*; J. Endzelīns, *Latviešu valoda Vidzemē*, — *Valodas un literatūras institūta Raksti*, III, 130.

говорах и некоторых соседних говорах: Айвиексте, Берзауне, Вестиена, Вецпиебалга, Виесиена, Виеталва, Гростона, Даудзесе, Дзелзава, Друвиена, Калснава, Кокнесе, Крустпилс, Лаздона, Лиезере, Лиепкалне, Лубея, Ляудона, Медзула, Мейраны, Меньгеле, Метриена, Огре, Одзиена, Паткуле, Пиебалга, Пилскалне, Плявиняс, Праулиена, Проде, Рауна, Рубене, Сайкава, Саркани, Сауснея, Селпилс, Сеце, Таурупе, Цесвайне, Эргли и Яунпилс²¹. Кроме того палатальная перегласовка гласных только в отдельных словах обнаружена: а) в следующих селонских говорах: Акнисте, Биржи, Тирза²²; б) в следующих говорах северо-восточной Видземе: Апе, Вецлайцене, Гулбене, Зиимерис, Карва, Маркалне, Яунлайцене, Яунрозе²³, Леясциемс ВВ²⁴ 910,

Карта № 1. Палатальная перегласовка гласных среднего и заднего рядов resp. эпентеза гласных *i*, *e* в говорах латышского языка. Точками обозначены говоры, в которых обнаружена регулярная или спорадическая перегласовка гласных resp. эпентеза *i*, *e*.

²¹ J. Endzelīns, LVG 133–135; J. Kušķis, Dažas sēļu valodas vokālisma īpatnības pēc mūsdienu latviešu valodas sēlisko izlokšņu materiāliem, – Latviešu valodas apcerējumi. Zinātniskie raksti, LX 9, A, Rīgā, 1967, 15.

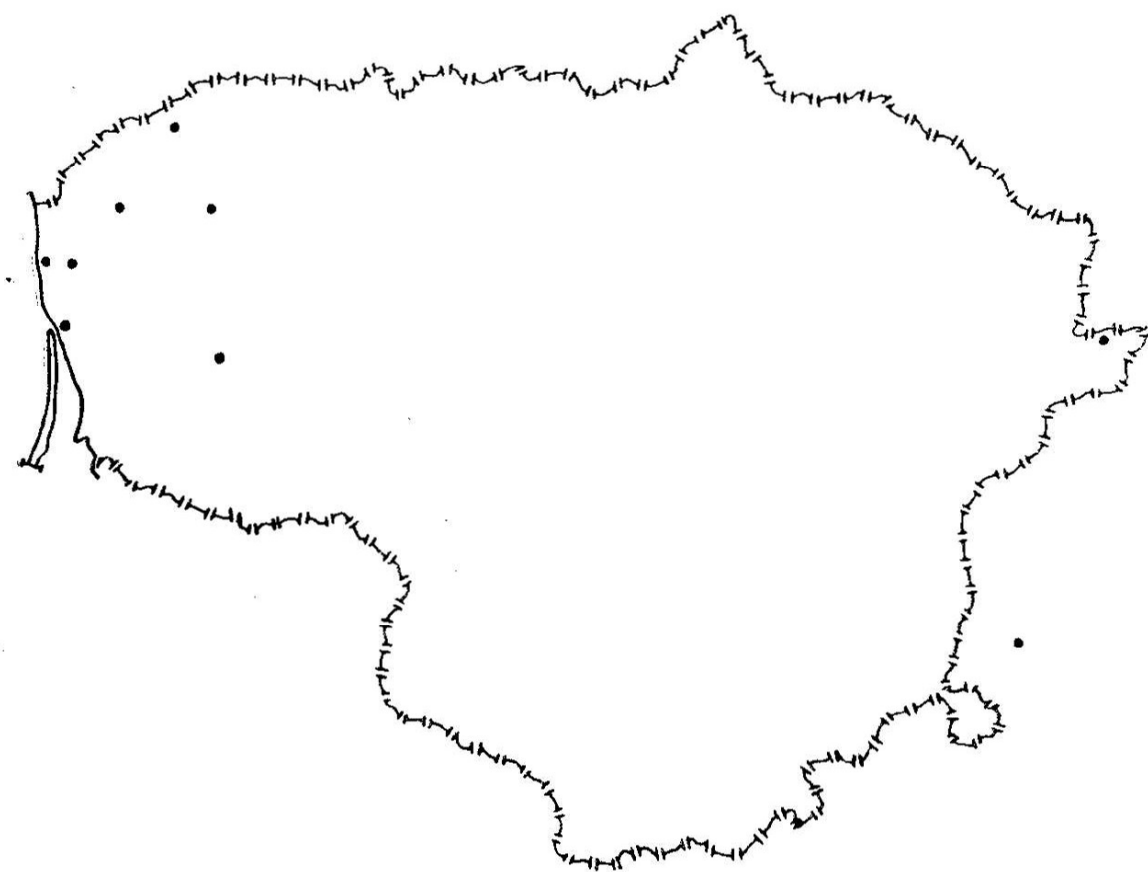
²² J. Endzelīns, LVG 135.

²³ Там же.

²⁴ BW = Kr. Barons un H. Wissendorffs, Latwju dainas, I–VI, Jelgavā un Petrogradā, 1894–1915.

3, Синоле ВВ 910, 2, Галгауска и Литене; в) в следующих говорах Латгалии (по полевым материалам автора): Аглона, Аулея, Бикерниеки, Виляка, Виляны, Звиргздене²⁵, Калупе, Карсава, Краслава, Ливаны, Ликсна, Макашены, Малта, Наутрены, Нирза, Пилда, Прейли, Резна, Ругаи, Рудзети, Скайста, Шкилбены, Цибла и Эзерниеки. Ареал палатальной перегласовки гласных resp. эпентезы *i*, *e* в латышском языке показан на карте № 1.

Эпентеза палатального гласного *i* констатирована также в жемайтских говорах на бывшей территории куронского языка (Алседжяй, Илакяй, Кведарна, Клайпеда, Кретинга, Паланга, Салантай). Эту фонетическую особенность западно-жемайтских говоров можно объяснить куронским субстратом²⁶. Эпентеза *i* зафиксирована и в некоторых аукштайтских говорах (Ашмена, Зетела, Тверечюс)²⁷. Ареал эпентезы в литовском языке показан на карте № 2.

Карта № 2. Эпентеза палатального гласного *i* в литовском языке. Точками обозначены говоры, в которых констатирована эпентеза.

²⁵ См. также J. Endzelīns, LVG 135.

²⁶ К. Būga, RR III 228.

²⁷ E. Fraenkel, Der Stand der Erforschung des im Wilnagebiete gesprochenen Litauischen, — Balticoslavica, II, Wilno, 1936, 22.

Об эпентезе палатального *i* Э. Френкель пишет следующее:

„Überall [in Zietela, Ašmena, Tverečius — A. B.] zeigt sich also die *i*-Epenthese vor mouillierten Konsonanten oder den palatalen Vokalen *i*, *e*. Derartigen Umlauterscheinungen begegnet man auch auf žemaitischen Sprachgebiete... Auch das Lettische ist reich an ähnlichen Veränderungen (Endzelin Lett. Gr. 61 ff.). Būga Žodynas CXXI belegt eine ganze Reihe hierher gehöriger Fälle aus lettischen Dialekten, die auf ehemals kurischen Gebiete gesprochen werden... Būga sieht wie die von ihm beigebrachten žemaitischen Beispiele... als Kuronismen an. Charakteristisch ist, das auch im Ostlettischen, auf ehemals sëlischem Territorium, Umlaut und Epentese eine besonders grosse Rolle spielen... Kombiniert man hiermit die Fälle aus dem Wilnagebiete, und erinnert man sich an die auch sonst zwischen Kurisch und Sëlisch obwaltenden Beziehungen (Būga Žodynas CXLV ff.), so wird auch diese Übereinstimmung zwischen West und Ost des litauischen wie des lettischen Sprachgebiets gewiss nicht beanglos sein. Die Eigentümlichkeit dürfte von diesen beiden Brennpunkten aus sich in die südlich gelegenen Nachbargenden ausgebreitet haben“²⁸.

К сказанному Э. Френкелем необходимо добавить, что в вышеупомянутую изоглоссную область включаются также говоры Латгалии и северо-восточной Видземе²⁹.

Итак: смягчение согласных и палатальная перегласовка гласных resp. эпентеза *i*, *e* были свойственны следующим восточнобалтийским племенным языкам: аукштайтскому³⁰, селонскому, латгальскому и куронскому. Надо полагать, что эти фонетические процессы произошли в то время, когда аукштайты, селоны, латгалы и куроны жили где-то по соседству на территории Литвы и Белоруссии.

По данным археологии и антропологии, восточнобалтийские племена куроны, земгалы, селоны и латгалы появились на территории южной Латвии в первые века нашей эры³¹. Следовательно: палатализация согласных в

²⁸ E. Fraenkel, Op. cit., 22—23.

²⁹ О многочисленных латгало-селано-куронских изоглоссах (изолексах, изофонах и изоморфах) см. A. Breidaks, Latgaļu, sēļu un kuršu cilšu valodu sakari, — Latvijas PSR ZA Vēstis, 1969 9 40—51; A. Брейдак, Диалектная лексика латгальских говоров верхнелатышского диалекта и её исторические связи (автореф. канд. дисс.), Рига, 1969, 18—19.

³⁰ Е. Курилович считает, что позиционная палатализация согласных в литовском языке возникла под влиянием славянских языков, см. Е. Курилович, О балто-славянском языковом единстве, — ВСЯ III 29. Ж. Урбанавичюте предполагает, что и в самом литовском языке имелись предпосылки для смягчения согласных, см. Ж. Урбанавичюте, Оппозиция твердых и мягких согласных и её развитие в аукштайтских диалектах литовского языка (авторефер. канд. дисс.), Вильнюс, 1970, 5.

³¹ Н. Моора, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā, Rīgā, 1952, 63—76; V. Urtāns, Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē, — Arheologija un etnogrāfija, VIII, 66; Р. Денисова, Прибалтийские финны на территории Латвии (I—II тысячелетия н.э.), — Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов, Рига, 1970, 16.

части восточнобалтийских языков могла возникнуть в последних веках I тысячелетия до н. э., еще до передвижения куронов, земгалов, селонов и латгалов на север. Это предположение, обоснованное данными ареальной лингвистики и археологии, хорошо согласуется с относительной и абсолютной хронологией возникновения позиционного смягчения согласных.

Позиционная палатализация согласных в куронском и селонском постепенно исчезла, оставив лишь следы в палатальной перегласовке гласных resp. эпентезе *i*, *e*. Смягченные согласные сохранились в говорах Латгалии и аукштайтском диалекте³² (возможно, под влиянием соседних славянских языков?).

II. Депалатализация смягченного согласного *j'*.

По sporadическим свидетельствам некоторых диалектологических очерков, согласный *j* в говорах Латгалии может произноситься не только смягченно, как это принято считать, но и твердо, например: *jys* „он“ Баркава FBR XIII 30, Краслава FBR XII 27, *jyūs* „вы“ Цибла FBR VI 40, *jyūs*² „вы“ Балтинава FBR XI 134, Баркава FBR XIII 29, *jyūsū* „вас“ Пилда FBR XIII 53, *kūojys*² „ноги“ Скайста FBR XV 35, *skumjys* „печаль“ Баркава FBR XIII 24. Однако теоретически это не было осознано. Так, например, А. Абеле писала только о предорсальном, т. э. смягченном *j'* в верхнелатышском диалекте³³.

В говорах Латгалии палатализованный *j'* встречается перед гласными переднего ряда, а твердый *j* перед гласными заднего и среднего рядов. Твердое или мягкое произношение этого согласного зависит также от исчезнувших гласных, например: *jūoj'* „едешь; едь!“ Звиргздене, Пилда, Цилба, *jūoj'*³⁴ „едешь; едь!“ Варкава, но *jūoj* „едет; едут“ Звиргздене, Пилда, Цилба, *jūoj*³⁵ „едет; едут“ Варкава. В некоторых говорах Латгалии, например, Виляка, Шкилбены, палатализованный *j'* исчез.

Первоначально в латгальском языке был только смягченный (или мягкий?) *j'* независимо от последующего гласного. Об этом убедительно свидетельствуют следующие факты исторической морфологии говоров Латгалии:

1. *pj*, *bj*, *vj*, *mj* > *pł* (*pŋ*), *bł*, *vł*, *mł* во всех позициях, например: *płaut'*² „косить“ Варакляны FBR XI 103 (ср. лит. *piáuti*), *slapn'is'* „мокрый“ Звиргз-

³² В жемайтском племенном языке, как и в земгальском, позиционной палатализации согласных не было. Позиционное смягчение согласных в восточножемайтские говоры проникло из аукштайтского диалекта.

³³ А. Ābele, Slavismi(?) mūsū augšzemnieku konsonantismā, — FBR XX 211.

³⁴ Во втором лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения исчезло окончание *-i* (< **-ē* < **-ei*), см. J. Endzelīns, LVG 705—706. Второе лицо единственного числа повелительного наклонения сейчас идентично с изъявительным наклонением. В этой форме императива исчезло окончание *-i*, см. J. Endzelīns, LVG 887.

³⁵ В третьем лице настоящего времени изъявительного наклонения исчез конечный *-o* resp. *-a*, см. также J. Endzelīns, LVG 709.

дене, Пилда, Цибла (ср. лит. *šlapias*), *slapjums* „мокрота“ Шкилбены, *slapņums* „мокрота“ Звиргздене, Пилда, Цибла, *blaūnu* „кричу“ Карсава FBR XII 56, *tūl'i²* „близко“ Пилда FBR XIII 54 (< **tuvjoi*³⁶), *z'eml'i* „низко“ Пилда FBR XIII 54 (< *zemjoi).

2. *l, n, r+j > l, ņ, r*, например: *brūoļa²* „брата“ (gen. sing.) Балтинава FBR XI 132, Звиргздене FBR X 29, Калупе FBR XVIII 40, Карсава FBR XII 53, Краслава FBR XII 35, Цибла FBR VI 38, *bròļa²* Прейли FBR VIII 13, *mūos'eņa²* „сестренка“ Калупе FBR XVIII 40, *dz'eņa* „дятла“ (gen. sing.) Звиргздене, Пилда, Цибла, *kars* „война“ Звиргздене FBR X 26, Калупе FBR XVIII 36, Карсава FBR XII 52, *gars* „длинный“ Звиргздене FBR X 26, Калупе FBR XVIII 36, Карсава FBR XII 52, Краслава FBR XII 32³⁷.

3. Если за гласными *e, ē* следовал согласный *j'*, тогда эти гласные не подверглись позиционной перегласовке (*e, ē > ē, ē̄*), например: *l'eja* „долина, низина“ Варакляны FBR XI 102, *l'eja* „долина, низина“ Краслава FBR XII 28, *laja* „долина, низина“ Пилда, *lāja³⁸* „он лил; она лила; они лили“ Пилда, *s'l'ieju²* „я прислонял; я прислоняла“ Варакляны FBR XI 113. Следовательно: согласный *j'* выступал в такой же роли как и остальные смягченные и мягкие согласные³⁹.

Под давлением фонетической системы уже в дописьменную эпоху (после позиционной перегласовки *e, ē > ē, ē̄*, но до исчезновения кратких гласных конечных слогов!) палатализованный согласный *j'* стал произноситься твердо перед гласными заднего и среднего рядов, а также гласными *e, ē* переднего ряда.

Это положение подтверждается:

а) во-первых, оппозицией *j'-j* в абсолютном конце слова глаголов второго и третьего лиц настоящего времени изъявительного наклонения, например: *tu jūoj', klūoj', stūoj'* „ты едешь, расстилаешь, останавливаешься“ Звиргздене, Пилда, Цибла, *tu juôj', kluôj', stuôj'* „ты едешь, расстилаешь, останавливаешься“ Варкава — *jys jūoj, klūoj, stūoj* „он едет, расстилает, останавливается“ Звиргздене, Пилда, Цибла, *jys juôj, kluôj, stuôj* „он едет, расстилает, останавливается“⁴⁰;

³⁶ О морфеме *-oi (или *-ai?), см. J. Endzelīns, LVG 604—605.

³⁷ В словах *kars* и *gars* *r* из *j'*. Если в этих словах *r* был бы исконным, то согласно звуковым законам в корне был бы гласный *o*, а не *a*, см. J. Endzelīns, LVG 110—123.

³⁸ См. сноску № 3.

³⁹ Отсюда следует важный вывод, что депалатализация *j'* перед гласными заднего и среднего рядов произошла после метафонии *e, ē > ē, ē̄*.

⁴⁰ Во втором лице после *j'* исчезло окончание *-i < *-ē < *-ei*. В третьем же лице после *j* исчез гласный **o* (или **a?*). Поэтому оппозиция *j'-j* в этих формах является исторически обусловленной.

б) во-вторых, оппозицией смягченных и твердых лабиальных согласных *p*, *b* и *m* в абсолютном конце слова глаголов второго и третьего лиц настоящего времени изъявительного наклонения с основой на *-jo-*, например: *tu grûob'*, *s't'ip'²*, *stùm'²* „ты хватаешь, тянешь, толкаешь“ Звиргздене, Пилда, Цибла — *jys grûob*, *s't'ip²*, *stùm²* „он хватает, тянет, толкает“ Звиргздене, Пилда, Цибла⁴¹;

в) в третьих, наличием твердого лабиального согласного *p*, *b*, *m*, *v* перед исчезнувшим депалатализованным *j* в первом лице единственного числа прошедшего времени изъявительного наклонения глаголов с основой на *-ē*, например: *s't'ipu²* „я тянул; я тянула“ Звиргздене, Пилда, Цибла, *grûobi* „я хватал; я хватала“ Звиргздене, Пилда, Цибла, *stūmu²* „я толкал; я толкала“ Звиргздене, Пилда, Цибла, *d'evu* „я давал; я давала“ Варакляны FBR XI III, Калупе FBR XVIII 46, Краслава FBR XII 40, Скайста FBR XV 41, Звиргздене, Пилда, Цибла (= лит. диал. *deviaũ*⁴²);

г) в-четвертых, наличием твердого лабиального согласного *p*, *b*, *m*, *v* перед исчезнувшим депалатализованным *j* в формах имен существительных с основой на *-ijō*, *-ē* и *-i*, например: *kālvu²* „кузнецов“ (gen. pl.) Звиргздене, Пилда, Цибла (ср. лит. *kálvių*), *dz'išmu* „песен“ (gen. pl.) Звиргздене, Пилда, Цибла (ср. лит. *giesmių*), *gūvu²* „коров“ (gen. pl.) Краслава FBR XII 36, Звиргздене, Пилда, Цибла, *zuvu* „рыб“ (gen. pl.) Краслава FBR XII 36, Звиргздене, Пилда, Цибла (ср. лит. *žuvių*).

III. Влияние славянских языков на фонетику говоров Латгалии

Начиная с XVI—XVII в.в. говоры Латгалии подверглись влиянию славянских языков⁴³. Это влияние оставило следы и в фонетике. В данном разделе рассмотрим: а) депалатализацию согласных *ř*, *š*, *ž*, *č*, *š* (*dž*), б) *v* (перед *k*, *g*) > *n*, в) веляризацию *l*, г) оглушение звонких согласных в абсолютном конце слова.

В большинстве говоров Латгалии смягченные согласные *ř*, *š*, *ž*, *č*, *š* (*dž*) депалатализованы⁴⁴, например: *karyu* „войны“ (nom. pl.), *grūušy²* „тяжело; трудно“, *mežu* „леса“ (nom. pl.), *kačy* „коты“ (nom. pl.), *dadžy* „репейники“ (nom. pl.) Звиргздене, Пилда, Цибла и др. Чаще, чем *š*, *ž*, *č*, *š* (*dž*), встре-

⁴¹ В третьем лице данных глаголов отпал *j*, который был депалатализован уже в письменную эпоху перед гласным *o (или *a?).

⁴² О литовской форме см. также J. Endzelīns, LVG 725 и 877.

⁴³ См. сноску № 14.

⁴⁴ См. также M. Rudzīte, LD 302.

чается смягченный *r* в говорах Латгалии. По некоторым сведениям, в части говоров, где нет *š*, *ž*, *č*, *ǰ*, (*dž*), смягченный *r* все-таки не депалатализован, например, Аулея FBR XII 47, Вишки *Ceļi*⁴⁵ IX 369–407, Звиргздене FBR X 24, 25, 27, 30 и 33, Карсава FBR XII 58, Краслава FBR XII 41, 44 и 46. В Калупском говоре по сведениям „Трудов Общества филологов“, смягченного *r* нет⁴⁶. По другим сведениям, палатализация *r* в этом говоре очень слаба, еле ощущима⁴⁷. Необходимо указать на неточность некоторых вышеприведенных сведений. Так, например, сведения о том, что в Звиргзденском говоре есть смягченный *r*, не соответствуют действительности. Правильно замечает акад. Я. Эндзелин: „...*r* (из *r*) тоже встречается..., однако кажется, что *r* (в место *r*) шире распространен...“⁴⁸.

Смягченные согласные *r*, *š*, *ž*, *č*, *ǰ* (*dž*) в большинстве говоров Латгалии депалатализованы под влиянием белорусского и польского языков, в которых вышеуказанные согласные всегда являются твердыми⁴⁹.

Заднеязычный *n* перед заднеязычными смычными *k*, *g* в подавляющем большинстве говоров Латгалии изменился в дентальный *n*, кажется, под влиянием славянских языков⁵⁰, например: *kūngs*² „господин“ Балтинава FBR XI 130, Цибла FBR VI 35, Звиргздене, Пилда, но *brāngs* „упитанный“, *kūngs* „господин“ Калупе FBR XVIII 35.

В говорах Латгалии твердый *l* стал велярным перед твердыми согласными и гласными заднего ряда, например: *gōlva* „голова“ Скайста FBR XV 76, *vūlks*² „волк“ Балтинава FBR XI 130, Варакляны FBR XI 104, *lōpa* „лист“ Балтинава FBR XI 130, Звиргздене FBR X 26, *lūgs* „окно“ Цибла FBR VI 35. Часто степень веляризации так сильна, что *l* изменяется в *u*, например: *rogoums* „двор“ Карсава FBR XII 52, Цибла FBR VI 35. Такое превращение *l* > *u* характерно и для литовских говоров и славянских языков⁵¹. Эта веляризация *l* > *l* > *u*, возможно, возникла под влиянием славянских *resp.* белорусского языка⁵².

⁴⁵ *Ceļi* = *Ceļi, Rakstu krājumi I–IX, Rīgā, 1931–1939.*

⁴⁶ A. Samuše, *Kalupes pagasta izloksnes apraksts, – FBR XVIII 36.*

⁴⁷ A. Reķēna, *Kalupes izloksne (Fonētika. Morfoloģija. Leksika) (kand. disertācija, mašīnrakstā), Liepājā, 1962, 45 u 49.*

⁴⁸ J. Endzelīns, *LVG 189–190.*

⁴⁹ См. Н. В. Бирилло, М. Г. Булахов, М. Р. Судник, *Белорусский язык, – Языки народов СССР. I. Индоевропейские языки, Москва, 1966, 163; W. Doroszewski, Podstawy gramatyki polskiej, I, Warszawa, 1963, 56 и 70.*

⁵⁰ M. Rudzīte, *LD 298.*

⁵¹ См. также J. Endzelīns, *LVG 203–204; M. Rudzīte, LD 303.*

⁵² Ср. также A. Ābele, *Slavismi (?) mūsu augšzemnieku konsonantismā, – FBR XX 219.*

Так как фонологическое противопоставление твердого *l* и велярного *l̥* отсутствует, то разница между этими согласными в значительной степени нейтрализовалась. Поэтому не всегда легко их различить на слух.

В говорах Латгалии звонкие согласные под влиянием славянских языков стали глухими в абсолютном конце слова⁵³, например: *bâk* „бежит; бежат“ Цибла FBR VI 37 (*k < g*), *mos* „мало“ Пилда (*s < z*).

IV. Новые согласные *h, h', f, f'* в интернациональных словах

В XX веке в связи с заимствованием большого количества интернациональных слов в говорах Латгалии появляются новые согласные *h, h', f, f'*. Твердые согласные *h, f* выступают перед гласными заднего и среднего рядов, смягченные же согласные — перед гласными переднего ряда, например: *hâlva*² „халва“, *fabryka* „фабрика“, *h'irùrgs*² „хирург“, *f'èrma*² „ферма“ Звиргзене, Пилда, Цибла и др.

В речи старшего поколения согласные *h, h', f, f'*, как правило, заменяются согласными *k, k', p, p'*, например: *kòlkozš*² „колхоз“, *kirùrgs*² „хирург“, *pa-bryka* „фабрика“, *p'èrma*² „ферма“ Звиргзене, Пилда, Цибла и др.

V. Развитие фонологической системы согласных в говорах Латгалии

После следующих изменений в системе консонантизма; а) **s' (< u. -e. *k̂) > s*, **z' (< u. -e. *ĝ, *ĝh) > z*; б) **lj > l*, **nj > ņ*, **rj > r*, **sj > š*, **tj > š*, **zj > ž*, **dj > ž*, **kj > c*, **k* (перед *i, ī, e, ē) > c*, **gj > ž (dz)*, **g* (перед *i, ī, e, ē) > ž (dz)*, **cj > č*, **zj (dzj) > ž (dž)*; в) палатализации согласных перед *i, ī, e, ē* и смягченными согласными; г) депалатализации *j'* перед гласными заднего и среднего рядов, а также гласными *e, e* переднего ряда в латгальском языке были согласные *l, l', l̥, r, r', r̥, n, n̥* (перед *k, g*), *ń, ņ, m, m̥, j', j̥, v, v̥, s, s̥, z, z̥, š, š̥, ž, ž̥, t, t', d, d', p, p̥, b, b', k, k̥* (в сочетании *šk'* перед гласными *i, ī, e, ē*), *g, g̥* (в сочетании *žg'* перед гласными *i, ī, e, ē*), *c, c̥, ž (dz), ž̥ (dž), č, č̥, ž̥ (dž), ž̥̥ (dž̥̥)*.

Для выяснения развития фонологической системы согласных в говорах Латгалии мы выбрали лишь одну корреляцию согласных твердость — смягченность — мягкость, сыгравшую существенную роль в становлении этой системы.

До исчезновения кратких гласных конечных слогов в латгальском языке была фонологическая оппозиция твердых и мягких согласных. Правда, эта оппозиция охватила лишь три пары фонем, а именно: */l/ — /l̥/*, */n/ — /n̥/*, */r/ — /r̥/*.

⁵³ А. Ābele, Slavismi(?) mūsu augšzemnieku konsonantismā, — FBR XX 219; M. Rudzīte, LD 314.

Палатализованные согласные являлись лишь позиционными вариантами соответствующих основных вариантов фонем — твердых согласных. Основной вариант фонемы /j'/ имел позиционный вариант /j/. Вероятно, основной вариант фонемы /n/ перед заднеязычными смычными *k, g* имел позиционный вариант /ŋ/.

Если твердый согласный обозначить через Т, смягченный согласный — через С, мягкий согласный — через М, основной вариант фонемы — через +, позиционный вариант фонемы — через (+), то эту фонологическую систему согласных можно изобразить в виде таблицы (№1).

После исчезновения кратких гласных конечных слогов произошли большие изменения в фонологической системе согласных. Палатализованные согласные, за исключением *k, g*, стали самостоятельными фонемами. Позиционный вариант фонемы /j/ основного варианта фонемы /j'/ тоже стал самостоятельной фонемой. Бывшие же фонемы — мягкие согласные /l/, /ŋ/ и /r/ стали позиционными вариантами основных вариантов фонем — смягченных согласных /l'/, /ŋ'/ и /r'/.

Фонологическая оппозиция твердых и мягких согласных была заменена фонологической оппозицией твердых и смягченных согласных. Эту фонологическую систему согласных можно изобразить в виде таблицы (№ 2).

Эта фонологическая система согласных сохранилась с некоторыми изменениями до наших дней в говорах Латгалии.⁵⁴

В связи с заимствованием многих слов с палатализованными согласными *k, g* (уже после изменения *k, g* в *c, z* перед гласными *i, e*) эти смягченные согласные могли выступать не только перед гласными переднего ряда, но и перед гласными среднего и заднего рядов, например, *kakis* „кот“ (nom. sing.), *kaka* „кота“ (gen. sing.), *kaķi* „котов“ (gen. pl.) Аглона, Вишки, Извалта и др., *kaļa* „левая рука, левша“ Звиргздене, Мердзене, Нирза, Пилда, Цибла и др., *kugis* „корабль“ (nom. sing.), *kuga* „коробля“ (gen. sing.), *kugu*

⁵⁴ Для выяснения фонологической системы согласных в говорах Латгалии использованы следующие очерки говоров: О. Āboliņa, Par Ciblas pagasta Eversmūžas nuovada izluoksni, — FBR VI 31—46; М. А. Alksnis, Krāslavas izloksne, — FBR XII 26—48; А. Kivrāne, Zvirgzdīnes pagasta izloksne, — FBR X 23—37; L. Latkovskis, Varakļānu izloksne, — FBR XI 100—123; L. Latkovskis, Skaistas izloksne, — FBR XV 33—54; V. Rūķe, Višķu izloksnes apraksts, — Ceļi IX (1939) 369—407; А. Samuše, Kalupes pagasta izloksnes apraksts, — FBR XVIII 32—51; Н. Tichovskis, Pildas pagasta izloksne, — FBR XIII 37—62; М. Vītole, Baltinavas izloksne, — FBR XI 124—140; кандидатская диссертация А. Рекены: А Reķēna, Kalupes izloksne (Fonētika. Morfoloģija. Leksika), Liepājā, 1962, а также полевые материалы автора настоящей статьи.

„кораблей“ (*gen. pl.*) Аглона, Вишки, Звиргздене, Извалта, Мердзене, Нирза, Пилда, Цибла и др. Следовательно: позиционные варианты /k/, /g/ основных вариантов фонем /k/, /g/ стали самостоятельными фонемами.

Таблица 1

	Т	С	М
l	+	(+)	+
r	+	(+)	+
n	+*	(+)	+
m	+	(+)	-
j	(+)	+	-
v	+	(+)	-
s	+	(+)	-
z	+	(+)	-
š	+	(+)	-
ž	+	(+)	-
t	+	(+)	-
d	+	(+)	-
p	+	(+)	-
b	+	(+)	-
k	+	(+)	-
g	+	(+)	-
c	+	(+)	-
ɟ	+	(+)	-
č	+	(+)	-
č̃	+	(+)	-

Таблица 2

	Т	С	М
l	+	+	(+)
r	+	+	(+)
n	+**	+	(+)
m	+	+	-
j	+	+	-
v	+	+	-
s	+	+	-
z	+	+	-
š	+	+	-
ž	+	+	-
t	+	+	-
d	+	+	-
p	+	+	-
b	+	+	-
k	+	(+)	-
g	+	(+)	-
c	+	+	-
ɟ	+	+	-
č	+	+	-
č̃	+	+	-

В речи старшего поколения Берзпилского, Вараклянского и Преильского говоров представлена фонологическая система согласных, почти не отличающаяся от предшествующей системы, изложенной в таблице № 2 (см. таблицу № 3а).

* Возможно, что, основной вариант фонемы /n/, кроме позиционного варианта /n'/ перед гласными переднего ряда, имел и позиционный вариант (ŋ) перед заднеязычными смычными согласными *k, g*.

** Возможно, что основной вариант фонемы /n/ имел и позиционный вариант /n/ перед заднеязычными смычными согласными *k, g*.

Во многих говорах Латгалии, например, Аглона, Андрупене, Аулея, Варкава, Вишки, Дрицены, Извалта, Калупе, Макашены, Наутрены, Резна, Ружина, Скайста⁵⁵, Эзерниеки, по сравнению с Берзпилским, Вараклян-

Таблица 3а

	Т	С	М
l	+*	+	(+)
r	+	+	-
n	+	+	(+)
m	+	+	-
j	+	+	-
v	+	+	-
s	+	+	-
z	+	+	-
š	+	+	-
ž	+	+	-
t	+	+	-
d	+	+	-
p	+	+	-
b	+	+	-
k	+	+	-
g	+	+	-
c	+	+	-
з	+	+	-
č	+	+	-
ž	+	+	-

Таблица 3б

	Т	С	М
l	+*	+	(+)
r	+	+	-
n	+**	+	(+)
m	+	+	-
j	+	+	-
v	+	+	-
s	+	+	-
z	+	+	-
š	+	-	-
ž	+	-	-
t	+	+	-
d	+	+	-
p	+	+	-
b	+	+	-
k	+	+	-
g	+	+	-
c	+	+	-
з	+	+	-
č	+	-	-
ž	+	-	-

Таблица 3в

	Т	С	М
l	+*	+	(+)
r	+	-	-
n	+	+	(+)
m	+	+	-
j	+	+	-
v	+	+	-
s	+	+	-
z	+	+	-
š	+	-	-
ž	+	-	-
t	+	+	-
d	+	+	-
p	+	+	-
b	+	+	-
k	+	+	-
g	+	+	-
c	+	+	-
з	+	+	-
č	+	-	-
ž	+	-	-

⁵⁵ Л. Латковский, уроженец Вараклянской волости, неправильно приписывает Скайстскому говору смягченные согласные *ṣ̌, ẓ̌, č̣, ẓ̌*, свойственные Вараклянскому говору, см. L. Latkovsks, Skaistas izloksne, — FBR XX 33—54; L. Latkovsks, Varakļānu izloksne, — FBR XI 103. По мнению М. А. Алксниса в Скайстском говоре наличествуют только твердые согласные *š, ž, č, ž*, см. М. А. Alksnis, Krāslavas izloksne, — FBR XII 26—48. Это подтверждается и полевыми материалами автора настоящей статьи.

* Основной вариант фонемы — твердый /l/ имеет и позиционный вариант — велярный /l/ перед твердыми согласными и гласными заднего ряда.

** Основной вариант фонемы /n/ в некоторых говорах имеет и позиционный вариант (ŋ) перед заднеязычными смычными *k, g*.

ским и Прейльским говорами, отсутствуют четыре фонемы — смягченные согласные /š'/, /ž'/, /č'/ и /ž'/ (см. таблицу № 3б).

В части говоров Латгалии, например, Балтинава, Звиргздене, Ликсна, Мердзене, Нирза, Ницгале, Пилда, Ругаи, Цибла, по сравнению с Берзпилским, Вараклянским и Прейльским говорами, отсутствуют пять фонем — смягченных согласных /f'/, /š'/, /ž'/, /č'/ и /ž'/ (см. таблицу № 3в).

В некоторых говорах северной Латгалии, например, Балви, Виляка, по сравнению с Берзпилским, Вараклянским и Прейльским говорами, отсутствуют шесть фонем — смягченных согласных /f'/, /j'/, /š'/, /ž'/, /č'/ и /ž'/ (см. таблицу № 3г), а в Шкилбенском говоре, кроме вышеупомянутых шести фо-

Таблица 3г.

	Т	С	М
l	+*	+	(+)
г	+	—	—
n	+	+	(+)
m	+	+	—
j	+	—	—
v	+	+	—
s	+	+	—
z	+	+	—
š	+	—	—
ž	+	—	—
t	+	+	—
d	+	+	—
p	+	+	—
b	+	+	—
k	+	+	—
g	+	+	—
c	+	+	—
č	+	+	—
č	+	—	—
ž	+	—	—

Таблица 3ж.

	Т	С	М
l	+*	+	(+)
r	+	—	—
n	+	+	—
m	+	+	—
j	+	—	—
v	+	+	—
s	+	+	—
z	+	+	—
š	+	—	—
ž	+	—	—
t	+	+	—
d	+	+	—
p	+	+	—
b	+	+	—
k	+	+	—
g	+	+	—
c	+	+	—
č	+	+	—
č	+	—	—
ž	+	—	—

* Основной вариант фонемы — твердый /l/ имеет и позиционный вариант — веларный /l/ перед твердыми согласными и гласными заднего ряда.

нем, нет и позиционного варианта — мягкого сонанта (*ŋ*) (см. таблицу № 3ж).

В XX веке инвентарь согласных фонем речи представителей младшего и среднего поколений пополнился двумя фонемами /h/, /f/ и их позиционными вариантами /h'/, /f'/ перед гласными переднего ряда. Поэтому в говорах Латгалии наряду с фонологическими системами согласных изложенными в таблицах № 3а (Берзпилс, Варакляны, Прейли), № 3б (Аглона, Андрупене, Аулея, Варкава, Вишки, Дрицены, Извалта, Калупе, Макашены, Нау-

Таблица 4а

	Т	С	М
l	+*	+	(+)
r	+	+	-
n	+	+	(+)
m	+	+	-
j	+	+	-
h	+	(+)	-
f	+	(+)	-
v	+	+	-
s	+	+	-
z	+	+	-
š	+	+	-
ž	+	+	-
t	+	+	-
d	+	+	-
p	+	+	-
b	+	+	-
k	+	+	-
g	+	+	-
c	+	+	-
č	+	+	-
č̃	+	+	-

Таблица 4б.

	Т	С	М
l	+*	+	(+)
r	+	+	-
n	+**	+	(+)
m	+	+	-
j	+	+	-
h	+	(+)	-
f	+	(+)	-
v	+	+	-
s	+	+	-
z	+	+	-
š	+	-	-
ž	+	-	-
t	+	+	-
d	+	+	-
p	+	+	-
b	+	+	-
k	+	+	-
g	+	+	-
c	+	+	-
č	+	+	-
č̃	+	-	-

Таблица 4в.

	Т	С	М
l	+*	+	(+)
r	+	-	-
n	+	+	(+)
m	+	+	-
j	+	+	-
h	+	(+)	-
f	+	(+)	-
v	+	+	-
s	+	+	-
z	+	+	-
š	+	-	-
ž	+	-	-
t	+	+	-
d	+	+	-
p	+	+	-
b	+	+	-
k	+	+	-
g	+	+	-
c	+	+	-
č	+	+	-
č̃	+	-	-

* Основной вариант фонемы — твердый /l/ имеет и позиционный вариант — велярный /l/ перед твердыми согласными и гласными заднего ряда.

** Основной вариант фонемы /n/ в некоторых говорах имеет и позиционный вариант /ŋ/ перед заднеязычными смычными *k, g*.

трены, Резна, Ружина, Скайста, Эзерниеки), № 3в (Балтинава, Звиргздене, Ликсна, Мердзене, Нирза, Ницгале, Пилда, Ругаи, Цибла), № 3г (Балви, Виляка) и № 3ж (Шкилбены), существуют и системы, изложенные в таблицах № 4а (Берзпилс, Варакляны, Прейли), № 4б (Аглона, Андрупене, Аулея, Варкава, Вишки, Дрицены, Извалта, Калупе, Макашены, Наутрены, Резна,

Таблица 4г.

	Т	С	М
l	+*	+	(+)
r	+	-	-
n	+	+	(+)
m	+	+	-
j	+	-	-
h	+	(+)	-
f	+	(+)	-
v	+	+	-
s	+	+	-
z	+	+	-
š	+	-	-
ž	+	-	-
t	+	+	-
d	+	+	-
p	+	+	-
b	+	+	-
k	+	+	-
g	+	+	-
c	+	+	-
з	+	+	-
č	+	-	-
ž	+	-	-

Таблица 4ж.

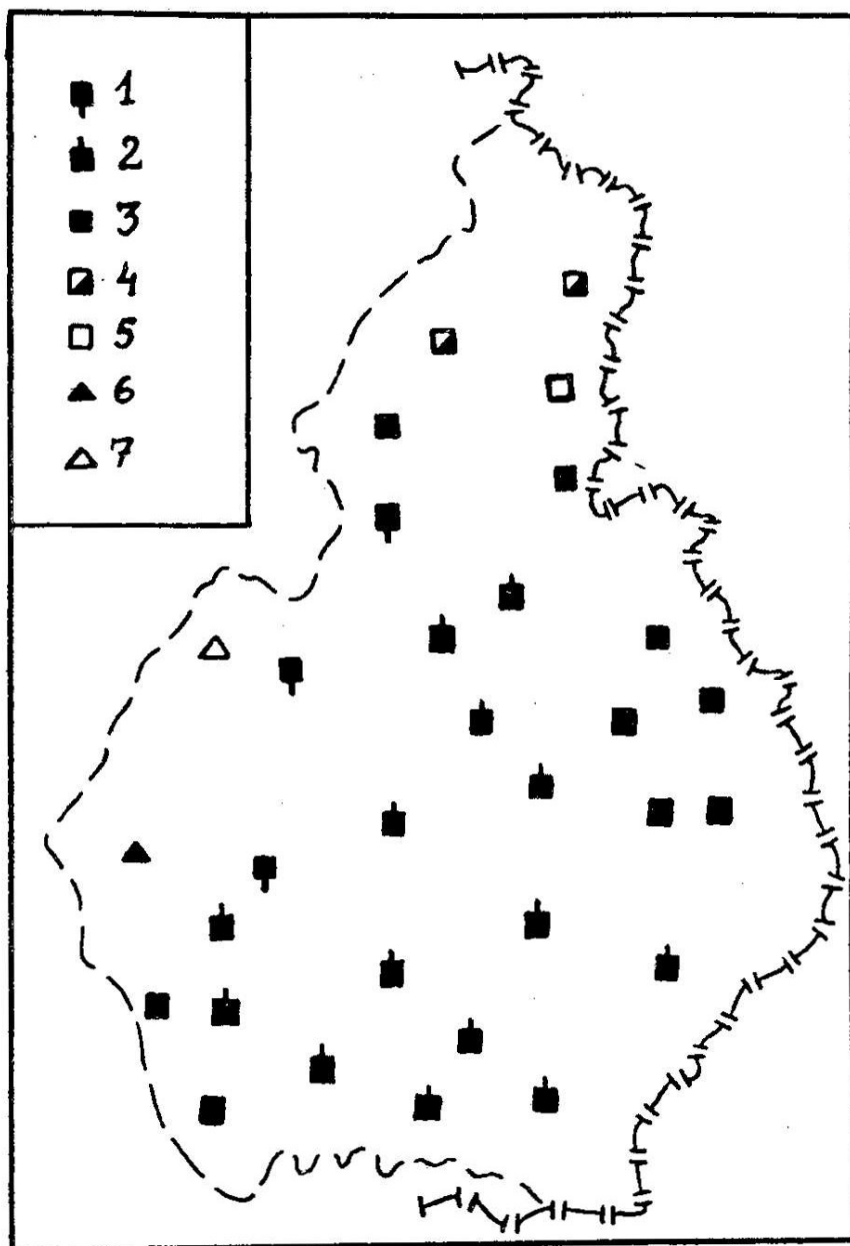
	Т	С	М
l	+*	+	(+)
r	+	-	-
n	+	+	-
m	+	+	-
j	+	-	-
h	+	(+)	-
f	+	(+)	-
v	+	+	-
s	+	+	-
z	+	+	-
š	+	-	-
ž	+	-	-
t	+	+	-
d	+	+	-
p	+	+	-
b	+	+	-
k	+	+	-
g	+	+	-
c	+	+	-
з	+	+	-
č	+	-	-
ž	+	-	-

Ружина, Скайста, Эзерниеки), № 4в (Балтинава, Звиргздене, Ликсна, Мердзене, Нирза, Ницгале, Пилда, Ругаи, Цибла), № 4г (Балви, Виляка) и № 4ж (Шкилбены).

Сосуществование двух вариантов фонологической системы согласных в пределах одного говора не затрудняет общение между представителями

* Основной вариант фонемы — твердый /l/ имеет и позиционный вариант — велярный /l/ перед твердыми согласными и гласными заднего ряда.

разных поколений. Незначительные расхождения между фонологическими системами согласных в разных говорах Латгалии также не затрудняют общение между представителями разных говоров.

Карта №3. Фонологическая система согласных (ФСС) в говорах Латгалии. 1 — ФСС, изложенная в таблицах № 3а и № 4а; 2 — ФСС, изложенная в таблицах № 3б и № 4б; 3 — ФСС, изложенная в таблицах № 3в и № 4в; 4 — ФСС, изложенная в таблицах № 3г и № 4г; 5 — ФСС, изложенная в таблицах № 3ж и № 4ж; 6 — палатализованные согласные под влиянием соседних селонских говоров частично депалатализованы⁵⁶; 7 — палатализованные согласные под влиянием соседних селонских говоров депалатализованы⁵⁷.

⁵⁶ L. Latkovskis, Līvānu izloksne, — FBR XX 139.

⁵⁷ J. Ceriks, Barkavas pagasta izloksne, — FBR XIII 24.

VI. Нейтрализация фонологической оппозиции глухости-звонкости в абсолютном конце слова

Фонологическая оппозиция глухих и звонких согласных /s/ : /z/, /š/ : /ž/, /š/ : /ž/, (š) : /ž/, /t/ : /d/, /t/ : /d/, /p/ : /b/, /p/ : /b/, /k/ : /g/, /c/ : /ž/, /c/ : /ž/, /č/ : /ž/ и /č/ : /ž/ в говорах Латгалии под влиянием соседних славянских языков была устранена в абсолютном конце слова. Эту нейтрализацию фонологической оппозиции глухости-звонкости можно изобразить следующей формулой /s/ : /z/ → [s], где s — „глухость“, z — „звонкость“, косые скобки обозначают фонологический уровень, квадратные скобки символизируют переход значения „глухость“ из фонологического уровня в фонетический, т.е. звуковой. Например: *jūis'* „ты привыкаешь; привыкай!“ Звиргздене, Пилда, Цибла и др., *jūis'* „ты запрягаешь; запрягай!“ (<*jūudž*) Звиргздене, Пилда, Цибла и др.

VII. Выводы

1. В говорах Латгалии нет *k*, *g*, *šk*, *žg*, но наличествуют *k*, *g*, *šk*, *šk*, *žg*, *žg*. Этот факт является общеизвестным и общепризнанным⁵⁸. Однако нельзя согласиться с традиционным объяснением этого явления, а именно, что *k*, *g*, *šk*, *žg* превратились в *k*, *g*, *šk*, *šk*, *žg*, *žg*⁵⁹.

После выяснения фонологической системы согласных и её истории в говорах Латгалии ясно, почему нет в этих говорах мягких согласных *k*, *g*. Уже в дописьменную эпоху, когда еще не было мягких *k*, *g*⁶⁰, фонологическое противопоставление твердых и мягких согласных было заменено фонологическим противопоставлением твердых и смягченных согласных. Следовательно: сама фонологическая система исключает возможность наличия мягких согласных *k*, *g* и звукосочетаний *šk*, *žg* в этих говорах.

2. В говорах Латгалии разница между мягкими *l*, *n* и смягченными *l'*, *n'* стерлась в пользу *l'*, *n'*, а в Шкилбенском говоре мягкий *n* совсем исчез. Перед велярными гласными мягкость данных сонантов более ощутима, чем перед палатальными гласными. Нельзя согласиться с толкованием этого

⁵⁸ J. Endzelīns, LVG 185—188; A. Ābele, Slavismi (?) mūsu augšzemnieku konsonantismā, — FBR XX 214; M. Rudzīte, LD 308.

⁵⁹ J. Endzelīns, LVG 186—187; A. Ābele, Slavismi (?) mūsu augšzemnieku konsonantisma, — FBR XX 213—216; M. Rudzīte, LD 308.

⁶⁰ Об относительно позднем возникновении мягких согласных *k*, *g*, в латышском языке см. J. Endzelīns, LVG 162 и 164.

фонетического явления, выдвинутым А. Абеле, а именно, что мягкие сонанты /, ŋ изменились в смягченные /', ŋ' под влиянием славянских языков⁶¹.

Этот факт объясняется своеобразием фонологической системы согласных. Фонологическая оппозиция /ɹ/ : /ɹ'/ и /ŋ/ : /ŋ'/ уже в дописьменную эпоху была устранена: фонемы /ɹ/ и /ŋ/ стали позиционными вариантами основных вариантов фонем /ɹ'/ и /ŋ'/.

Поэтому со стороны фонологической системы не было препятствий для изменения мягких /, ŋ в смягченные /', ŋ'. И действительно, под давлением фонетической системы мягкие сонанты /, ŋ перед гласными переднего ряда изменились в смягченные сонанты /', ŋ'. Перед гласными среднего и заднего рядов мягкость сонантов /, ŋ более ощутима.

---

⁶¹ A. Ābele, Slavismi (?) mūsu augšzemnieku konsonantismā, — FBR XX 214.